

ОБ АЛЬТРУИЗМЕ ПУШКИНА

Михай Петер

(Péter Mihály, Budapest)

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем
Но пусть она вас больше не тревожит
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим. (1829)*

Эта жемчужина русской, да и, пожалуй, мировой любовной лирики привлекала внимание исследователей не только своим исключительным лаконизмом, стройностью и безобразной семантикой, но прежде всего своим необычным для признаний в любви «отступающим» тоном и амбивалентной концовкой. Согласно интерпретации Романа Якобсона заключительный стих «...может быть понят как заклинательная развязка послания, но с другой стороны, окаменевшее речение „дай вам Бог“ [...] может интерпретироваться как своего рода „нереальное наклонение“, означающее, что без сверхъестественного вмешательства другую такую любовь героине встретить едва ли еще придется».¹ По моему толкованию, изложенному в одном докладе в 1972 г., тема самоотверженной любви в этих стихах развернута в виде трехступенчатой градации, каждая ступень которой представляет собой антитезное противопоставление утверждения и отрицания любви лирического героя; в заключительном двустии и утверждение, и отрицания этой любви достигают своего апогея: два полюса антитезы как бы сливаются, чувство любви «объективируется».² Таким образом, этот анализ не допускал альтернативного толкования заключительного стиха: я его понимал как «заклинательную развязку», а не как «подразумеваемое отрицание».³

Такое понимание стихотворения весьма близко к анализу Д. Д. Благого, утверждавшего, что речь идет не о каком-либо преходящем мотиве: «Это – в высшей степени просветленное состояние души, обретенное здесь по-

---

¹ Р. Якобсон. *Поэзия грамматики и грамматика поэзии. Poetics, Poetyka, Поэтика*. Warszawa, 1961. 407.

² М. Péter. *Noch einmal über die Grammatik der Poesie (anlässlich Я вас любил von Puškin)* // *Poetyka i stylistyka słowiańska*. Zred. S. Skwarczyńska. Wrocław–Warszawa–Kraków–Gdańsk, 1973. 267.

³ Об этом термине см. О. Есперсен. *Философия грамматики*. М., 1958. 369. (Первое издание на английском языке: *The Philosophy of Grammar*, 1924.)

этом и снова порой в нем возникающее». ⁴ Этот же мотив «просветленной альтруистичности» появляется и в стихотворении 1832 г. К*** (*Нет, нет, не должен я...*):

... Ужель не можно мне,
Любуясь девою в печальном сладострастье,
Глазами следовать за ней и в тишине
Благословлять ее на радость и на счастье,
И сердцем ей желать все блага жизни сей,
Веселый мир души, беспечные досуги,
Всё – даже счастье того, кто избран ей,
Кто милой деве даст название супруги.

В настоящей статье я пытаюсь дополнить свою интерпретацию (которой я придерживаюсь и по прошествии 30 лет) психологическим комментарием к «просветленной альтруистичности» поэта.

В учении глубинной психологии, разработанном З. Фрейдом и его последователями, понятие вытеснения является важнейшим ключом к пониманию нашей душевной жизни. Вытеснение – это активное удаление различных инстинктивных (прежде всего сексуальных и агрессивных) импульсов и стремлений нашего подсознательного (= «Оно») из сферы сознательного «Я». Вытеснение осуществляется посредством различных «защитных механизмов», в частности путем проекции, т. е. перенесения собственных желаний вовне, а также идентификации, когда это перенесение направлено на другое лицо. В своей монографии, посвященной защитным механизмам, Анна Фрейд описывает особый вид соединения проекции и идентификации, который заключается в уступке собственных влечений другому лицу, и называет этот процесс «альтруистичной уступкой» (*altruistische Abtretung*). В этом случае удовлетворение собственного возбуждения осуществляется через «совместное наслаждение» (*Mitgenuß*) с другим лицом или с другими лицами. В качестве иллюстрации А. Фрейд ссылается на широко известную драму Э. Ростана *Сирано де Бержерак*. Героем этой пьесы является историческое лицо XVII века, французский дворянин, поэт, гвардейский офицер, отличавшийся острым умом и отвагой, но вследствие своей безобразной наружности не имевшего успеха у женщин. Он влюбился в красавицу Роксану, но, сознавая свою отталкивающую внешность, сразу же отрекся от шансов на ответное чувство и, уступая свои любовные притязания красавице Христиане, всячески старался, чтобы тот достиг осуществления своих желаний. ⁵

Пушкин обладал сильным зарядом сексуальных влечений (*libido*), об этом свидетельствуют и некоторые его юношеские стихи, например стихо-

⁴ Д. Д. Благой. *Творческий путь Пушкина (1820–1830)*. М., 1967. 415.

⁵ А. Freud. *Das Ich und die Abwehrmechanismen*. Wien, 1936. 140–154.

творение, посвященное одной известной даме столичного полусвета, «крестнице Киприды»:

*... Ольга, жрица наслажденья,
Внемли наш влюбленный плач –
Ночь восторгов, ночь забвенья
Нам наверное назначь...*

(О. Массон, 1819)

или послание Ф. Ф. Юрьеву, члену общества «Зеленая лампа»:

*... А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взращенный в дикой простоте,
Любви не ведая страданий,
Я нравлюсь юной красоте
Бесстыдным бешенством желаний...*

(Юрьеву, 1821)

(О «бесстыдном бешенстве желаний» поэт писал с бесцензурной открытостью в своих тайных записках 1836–1837 гг., опубликованных недавно М. Армалинским.⁶) В более зрелом возрасте одним из ведущих мотивов пушкинской лирики стало горькое раскаянье в чувственных эксцессах прежних лет. Этот мотив появляется уже в первой главе *Евгения Онегина*:

*... Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:
Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет...*

(1, XLVI)

потом в стихотворении *Воспоминание* (1828):

*... И с отвращением читая жизнь
мою,
Я трепещу и проклиная...*

и в *Элегии* 1828 года:

*Безумных лет угасшее веселье
Мне тяжело, как смутное похмелье...*

Вместе с тем весьма рано появляется мотив противопоставления чувственной и платонической любви:

*... Что вы, восторги сладострастья,
Пред тайной прелестью отрад
Прямой любви, прямого счастья...*

(Месяц, 1816)

(Здесь *прямой* = ‘подлинный’, ‘настоящий’.) Образы «предестниц», их «обманчивая нежность», «корысти хладные лобзанья» и «златом купленные во-

⁶ См. Д. С. Пушкин. *Тайные записки 1836–1837 годов*. Minneapolis–Minnesota, 1986.

сторги» тускнеют перед образом любимой женщины, в которой поэт видит «гений чистой красоты» (К***, 1825) или «чистейшей прелести чистейший образец» (*Мадонна*, 1830). Это противопоставление достигает своей высшей степени и вместе разрешения в стихах *Нет, я не дорожу мятежным наслаждением...* (1831), в котором отвергается редуцированная до акта сношения чувственная любовь, но торжествует извечное, очеловеченное, эмоционально насыщенное половое влечение.⁷ Перед нами не просто «сублимация», т. е. перемещение инстинктивного влечения в сферу более высоких (моральных, социальных и пр.) ценностей, здесь достигнуто редкостное единство друг друга взаимно дополняющих сфер «Оно» и сознательного «Я», истинно человеческий синтез «земной» и «небесной» любви.

В подтверждение идеи «альтруистичной уступки», обнаруживаемой в стихах *Я вас любил...* в смысле концепции Анны Фрейд, можно отметить еще следующее. В пушкиноведении неоднократно ставился вопрос об адресате этого стихотворения, но так и не удалось удовлетворительно решить его. Вместе с тем исследователи уже давно обратили внимание на то, что в жизни поэта была «любовь, необычайная по силе, длительности, влиянию на всю жизнь, и им самим никогда не названная, „утаенная“».⁸ Вокруг этой «утаенной» любви создавалась целая литература, в которой с большей или меньшей степенью убедительности выдвигались и опровергались различные предположения относительно предмета этой исключительной страсти. Наиболее интересную на мой взгляд гипотезу выдвинул Тынянов, утверждавший, что предметом «утаенной» любви Пушкина была Екатерина Андреевна Карамзина, жена выдающегося писателя и историка.⁹ Преимущество этой гипотезы над остальными заключается в том, что она удовлетворительно объясняет столь глубокое и строгое утаение этой страсти. У Пушкина ведь могли быть самые серьезные причины скрывать свою любовь к жене Карамзина, который был не только крупнейшим литературным авторитетом того времени, но и близким другом семейства Пушкиных; он же не один раз заступался за самого Пушкина. Тынянов построил свою гипотезу на основании изучения биографических материалов поэта, а также некоторых поэтических текстов, проследивая мотив «утаенной» любви начиная с 1816 г. Но любопытно, что от его внимания ускользнуло послание *Князю А. М. Горчакову* (1817), в котором имеются следующие строки:

... Я знал любовь, но я не знал надежды,
Страдал один, в безмолвии любил...

⁷ См. М. Петер. *К вопросам семантики поэтического языка* // М. Peter (Ed.). *The Structure and Semantics of the Literary Text*. Br., 1977. 66–67.

⁸ Ю. Н. Тынянов. *Безыменная любовь* // Пушкин и его современники. М., 1969. 209. (Статья впервые опубликована в 1939 г.)

⁹ Там же. 212.

Это, пожалуй, – первый вариант формулировки *Я вас любил безмолвно, безнадежно*. Концовка же этого послания – едва ли не наиболее раннее выражение «просветленно альтруистичного» душевного состояния поэта:

*...Нет, ропот – униженье.
Нет, праведно богов определенье!
Ужель лишь и мне не ведать ясных дней?
Нет! в слезах скрыто наслажденье,
И в жизни сей мне будет утешенье
Мой скромный дар и счастье друзей.*

Не имея для этого несомненных доводов, я не настаиваю на том, что Карамзина была адресатом стихов *Я вас любил...* Но если это было так, то это служило безусловно сильным стимулом для того, чтобы поэт отрекался от своей страсти.¹⁰

Весьма правдоподобно, что Пушкин страдал чем-то вроде «комплекса Сирано». Его прадед по материнской линии, Ибрагим Ганнибал был абиссинец, и следы африканского происхождения отражались в некоторых чертах наружности поэта. О том, что Пушкин, хотя и гордился своей пылкой африканской кровью, считал эти внешние черты в известном отношении невыгодными для себя, свидетельствуют между прочими и стихи из уже цитированного послания *Юрьеву*:

*...И счастлив ты своей судьбой.
А я, повеса вечно праздный,
Потомок негров безобразный,
Взрощенный в дикой простоте...*

Стоит обратить внимание и на то место его незаконченного романа об И. Ганнибале (*Арап Петра Великого*), где говорится о том, как «арап Ибрагим», обучавшийся в парижском военном училище, был принят в светских салонах французской столицы:

Обыкновенно смотрели на молодого негра как на чудо, окружали его, осыпали приветствиями и вопросами, и это любопытство, хотя и прикрытое видом благосклонности, оскорбляло его самолюбие. Сладостное внимание женщин [...] не только не радовало его сердца, но даже исполняло горечью и негодованием. Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого, случайно перенесенного в мир, не имеющий с ним ничего общего.¹¹

В этих словах безусловно сквозят мысли и чувства, жизненный опыт самого поэта.

¹⁰ В комментариях к работе Тьянова Д. Л. Грушинин сообщает, что кинорежиссер С. М. Эйзенштейн, гипотеза которого Тьянова натолкнула на замысел фильма о Пушкине, усматривал в совершенно необъяснимом по его мнению увлечении Пушкина Наталией Гончаровой своего рода «поиски Ersatz'а для недоступной возлюбленной...». // Ю. Н. Тьянов. 402–403.

¹¹ *Полное собрание сочинений в 10 т.* М., 1957. т. 6. 12.

В заключение хочется особо подчеркнуть, что попытка раскрыть глубинные психические мотивы пушкинского альтруизма ни в малейшей степени не направлена на умаление высокой эстетической ценности и моральной достоверности его любовной лирики и, в частности, его стихов *Я вас любил...* Исследовать скрытые пружины и «механизмы» в процессе поэтического творчества – рискованное дело интерпретатора; облагораживающий же эффект произведения, вызванное им просветление мысли и чувства – счастливая участь читателя. Это прекрасно понимал Гоголь, когда он писал о Пушкине:

«Даже в те поры, когда метался он сам в чаду страстей, поэзия была для него святыня – точно какой-то храм. Не входил он туда неопрятный и неприбранный; ничего не вносил он туда необдуманного, опрометчивого из собственной жизни своей; не вошла туда нагишом растрепанная действительность. А между тем все там – история его самого. Но это ни для кого незримо. Читатель услышал одно только благоухание; но какие вещества перегорели в груди поэта затем, чтобы издать это благоухание, того никто не может услышать.»¹²

---

¹² Н. В. Гоголь. *В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность* // Н. В. Гоголь. Собрание сочинений в 6 т. М., 1953. (1846) т. 6. 156.